

A fluffy kitten with grey, white, and orange patches is standing on a gravel path in a garden. The kitten is looking to the right. The background is filled with lush green foliage, including ferns and other plants. Sunlight filters through the leaves, creating dappled shadows on the path and the kitten's fur.

Пришествие Маруськи

Людмила Дымбу

Людмила Дымбу

Пришествие Маруськи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48820186

ISBN 9785005091000

Аннотация

«Впервые в жизни я была поражена этой неожиданно открывшейся стороной нашей действительности. Загадочный кошачий ум и огромная доброжелательность, открытость и готовность к интеллектуальному общению с людьми меня в те дни поразили до самого сердца. Окружившим нас котам, видимо, было известно то, что не всегда известно людям, и неудача оказалась только в том, что мы не понимаем их язык. И не верим в него. К стыду своему. Потому что они-то наш понимают...»

Содержание

Откуда ты, прелестное дитя?	6
Налаженная жизнь	16
Вот и лето прошло...	20
Дорогая пропажа	26
Возвращение	34
И опять двадцать пять...	39
Тонкости кошачьей гигиены	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пришествие Маруськи

Людмила Дымбу

© Людмила Дымбу, 2019

ISBN 978-5-0050-9100-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Человек культурен настолько,
насколько он способен понять кошку.*

Бернард Шоу

Откуда ты, прелестное дитя?

Из-за бани вышла обыкновенная полосатая кошка с птичкой в зубах. Она шла прямо на меня, опустив глаза и, похоже, погрузившись в совсем невеселые думы. Оно и понятно: на соседской территории прямо за нашим забором подрастали её котята и каждый день хотели есть. А как прокормить-то такую ораву? Тут любая мать озадачится.

Кошка подняла глаза и наткнулась взглядом на меня. Немного растерянный от неожиданности, но моментально напрягшийся, он явственно выражал: «Уйди с дороги. Что бы ты ни сделала сейчас, как бы ни забранилась и ни шуганула меня – я тебя не боюсь, потому что иду к своим маленьким детям».

Я и не собиралась с нею браниться. Во-первых, материнский инстинкт – это чувство святое, и как женщина женщину я прекрасно её понимала.

А во-вторых, в самой глубине своей души я даже радовалась этому соседству.

С противоположной стороны к нашему забору приникает курятник другого соседа. Курятник этот настолько ветхий, что вместе с кудахтаньем кур оттуда часто слышался крысиный писк, и ещё неизвестно, кто из них там поселился первее. Мы же на своём участке обосновались не так давно, поэтому о крысах по-соседству понятия не имели. И построили

со своей стороны у забора парничок из старых высоких оконных рам, застеклённый, довольно просторный и даже уютный. Когда же там выросли первые помидоры, я обнаружила у стенки бездонную нору толщиной с мою руку. И очень испугалась: мало ли кто из этой норы в один прекрасный момент появится? А потом и явные признаки этого самого кого-то объявились – на земле валялись надкусанные зелёные, пока ещё невкусные, помидорчики, а на ветках висели спелые, румяные, но изрядно изгрызенные томаты.

К кому обращаться с претензиями по поводу испорченного урожая? К соседу? Так его предполагаемая реакция понятна: «Вам мешают, вы и травите». И мы решились на измор. Не одно лето подряд я покупала самые разные средства против незваных гостей и щедро рассыпала в парнике угощение. Гости, мне кажется, лишь усмехались моему извращённому вкусу, и продолжали лакомиться вкуснейшими помидорами. Они до того освоились у нас в огороде, что приходили уже не только в парник, а нет-нет да и прогуливались между грядок – а отчего же и не отозваться на такое усердное гостеприимство? Я провожала их вытарашенными от неслыханного хамства глазами и продолжала искать эффективное средство для расставания навсегда. В конце концов в одном хорошем магазине мне предложили нечто под названием «ТриКота» и заверили: «Надёжней не бывает». Уже не веря ни во что, я разложила бирюзового цвета брикеты вдоль соседского забора... и напрочь забыла о них.

И вот однажды мне явилось чудо: совершенно не прячась, пребывая в полнейшем экстазе, между моими грядками прямо на меня, меня не видя, бежала на задних лапах довольно большая крыса, держа передними перед собой голубой драгоценный брикет. На её физиономии было запечатлено такое благоговение, будто держала она не кусок отравленного теста, а по меньшей мере один из десяти знаменитейших в мире алмазов. Я ею просто залюбовалась! И поскольку характер мой для любого смертоубийства начисто не приспособлен, мне подумалось, что пусть уж она и умрёт, но хотя бы умрёт совершенно счастливой.

Но сколько их ещё там, тех счастливцев и счастливиц? И всем ли поровну досталось той чудесной благодати?

Вот поэтому, отчасти, я и тешилась корóткостью кошачьего соседства.

С кошкой мы больше как будто и не встречались, но её подросшие котята время от времени вылезали из густой зелени астильбы с нашей стороны забора (где-то там был, видно, лаз оттуда сюда и обратно) и, глядя в мою сторону пугливо-любопытными глазами, прошмыгивали и исчезали под обычно запертой второй калиткой из огорода, которой мы пользуемся очень редко. Все котята, даже не знаю, сколько их было, казались мне похожими друг на дружку – серенькие, глазастые, ничем особо не примечательные, но симпатичные и милые, как все малыши на свете. Я смотрела на них

равнодушно, желания взять одного себе даже не возникало. После того, как наш сын, начиная с десятилетнего возраста (именно тогда появился у нас котёнок Сашка, выросший в роскошного белого кота) почти непрерывно и мучительно страдал от аллергии, и передышка наступила только после непонятного исчезновения Сашки, о котором мы хоть и тосковали, но понимали, что его пропажа явственно связана с этой болезнью, – после этого нам с мужем даже в голову уже не приходило завести дома котёнка. Сегодня сын взрослый, живёт своей жизнью, периодически навещаясь в гости к родителям. Но всё-таки риск в этом случае – дело, в общем-то, глупое. Да и зачем нам дома кот? В квартире на пятом этаже?

Однажды, моясь в бане, слышу, как в комнате за предбанным коридорчиком муж с кем-то разговаривает. «По мобильному», – подумалось само собой. Но разговаривал он так, как обычно взрослые говорят с маленьким ребёнком, не желая его напугать или обидеть. Домывшись, выхожу и вижу небольшого котёнка, на мордочке которого ясно написано: кошечка. Трёхцветная, с белой грудкой и лапками, рыже-серенькой спиной и наполовину «чумазым» носиком, а глазки умные и доверчивые. Держится с достоинством, ничего её здесь не смущает, словно и не в первый раз зашла.

– Вот, гости у нас, – словно оправдываясь, объясняет муж.
– Вижу. Но зачем ты?.. Нельзя же...

– Да ничего. Сейчас убежит.

Но маленькой мурлыке убежать никуда не хотелось. Ей здесь нравилось. И у меня даже мелькнула мысль, что их мама-кошка, встреченная мною у бани, стараясь в меру своих сил и возможностей устроить будущее своих детей, ей внушала: «Иди к этой женщине. Она не злая, не обидит тебя. И ты ей понравишься».

Малышка, действительно, не могла не понравиться. Она абсолютно отличалась от своих собратьев – и расцветкой, и общительностью, и поглядкой. Она была какая-то другая. Совсем другая. Ну, так что ж, бывает, и в одной семье дети родные, а совершенно разные.

Но когда мы все вышли на улицу, стало видно, какая она худенькая. Очень ловко схватывала на лету каких-то мошек и с жадностью тут же ела. Не любимая, что ли, матерью, потому и корма достаётся меньше, чем остальным? Меня накрыло волной непозволительной жалости. Нет, не моё это дело. Ну, забрёл котёнок в баню, ну и что теперь, срочно усыновлять его, удочерять то есть? Успокойся, – говорила я себе. Поесть принесём, а про остальное и думать нечего.

Идя назавтра в огород, я захватила котёнку сметаны. Она сидела на столбе калитки и тут же, у калитки, я её покормила. Внутри, не зависимо от меня, работало моё чувство самосохранения: да, я не злая, и не жадная, я буду подкармливать это маленькое существо, но приручать не стану ни за что. Я

не хочу впускать её в своё сердце. Приручить – это значит привязаться самой, а что за всем этим следует... страшно подумать! Мало того, что опасно для сына, так ведь это ответственность и за неё. К тому же кошка, а не кот, что потом делать с котятами... и никуда от неё не уехать надолго... Нет, нет и нет.

Но всё это крутилось в голове просто машинально, само собой, не зависимо от меня. Я-то, я-то сама – совершенно об этом не думала, зачем?.. Мыслей в голове взрослой женщины и без того предостаточно, и особенно – не очень весёлых: то одна проблема замаячит, то другая... А уж сколько раскаяний и сожалений... И – о, господи, ночь!.. Бессонная ночь – страшнее для сердца казни и не придумать...

Светлые летние ночи закончились, вот-вот наступит август с его звездопадами в крошечной тёплой темноте. Да... темнота, но пока ещё не страшная, мягкая, бархатная, уютная даже... котята спят там, наверное, вместе, прижавшись друг к дружке и к маме своей...

Они ночевали где-то в соседской беседке, во всяком случае под крышей, и когда однажды ночью разразилась гроза, я впервые подумала, что им ведь, наверное, всё-таки страшно, да и сыро, какой уж там уют...

Неприятные, грызущие душу мысли незаметно переключились на котят. Как же им-то, бездомным, живётся непросто. Ну, подрастут к осени, а там... зима. Но зачем, зачем я опять травлю себе сердце? Сколько их, кошек с котятами,

живёт и жило вокруг всегда, так устроила их жизнь природа, и мне даже в голову раньше не приходило задуматься о какой-то кошачьей судьбе.

Маленькая кошечка заходила ко мне теперь ежедневно. Я приносила ей что-нибудь вкусное – на её кошачий вкус, хотя ей в её положении вкусно, наверное, было всё, что съедобно.

Остальные котята так же время от времени появлялись и проскакивали, как и прежде, мимо, или незаметно наблюдали за мной из какого-нибудь укрытия, но, замеченные, тут же пускались наутёк с глаз долой. Интересно, думалось мне, у них что же – своя особая субординация, или такая природная тактичность, что видя моё расположение к их сестрёнке, все остальные ведут себя по-прежнему отчуждённо?

Муж собрался косить траву на участке. «Наша» маленькая кошка играла от него неподалёку. Шум резко включившегося триммера так её перепугал, что я увидела, как она летит через весь огород стрелой, будто маленький зайчишка от опасности, и летит прямо ко мне. Я замерла... А она просто прыгнула с разбегу мне на руки и прижалась крошечным тельцем изо всех своих силёнок. Где-то внутри, под хрупкими рёбрами, билось и вспархивало птицей сердчишко, а сама она пыталась спрятаться от ужаса, всё выше и выше вскарабкиваясь по моей футболке, пока не уткнулась вся целиком мне в шею под подбородком... и сжалась там в комочек,

утихла, согретая моими ладошками. Ну, вот и всё... – подумалось мне. – Вот она всё-таки и моя...

Так мы с нею и сидели, пока шумела косилка. Кошурка успокоилась, улеглась у меня на коленях и преспокойненько уснула.

– Утром она спала у нас на скамейке, – сказал подошедший муж. Уезжая на работу, он заходит в огород открыть теплицу с помидорами и парник с огурцами.

Ночью, глядя в темноту открытыми глазами, я придумала: если ей хочется спать почему-то одной на скамейке у нас в беседке, надо сделать для неё домик. Кошки любят прятаться в уютном закутке. Да ей и не так холодно будет, середина уж августа, скоро сентябрь, и на случай дождя всё-таки крыша.

Утром первым делом я разыскала подходящую небольшую, но глубокую коробку в форме куба, укутала сверху полиэтиленовой плёнкой для предохранения картона от влаги, внутрь для прочности поставила неглубокий и компактный, оказавшийся как раз по размеру коробки, лоток, оставшийся ещё, наверное, от Сашки, а в него положила тёплый мягкий шарф. Настоящий кошкин дом, удобный и даже комфортабельный. Днём надёжно установила его в самый угол скамейки, плотно прислонив дно коробки, ставшее по моему замыслу задней стенкой домика, к кирпичной перегородке, соединяющей в этом месте наш участок с соседским. Откры-

тую с остальных трёх сторон беседку оплёл за лето своими ветками дикий виноград, и густая листва его тоже служила некоторой защитой от дождика, ветра и даже ночной пугающей, как мне казалось, темноты. Ведь она же маленькая совсем, ей наверняка одной там страшновато.

– В куклы играешь? – усмехнулся вечером муж, заехав, как обычно летом, после работы в огород.

– Играю... – Мы оба помнили про своё неписанное правило: кошка нам запрещена. Но здесь ведь не дома, здесь улица, шерстка её нигде не залёживается, а все кошачьи аллергены разлетаются по ветру. Да и... дело разве в ней одной? А соседские коты? Их вокруг полным-полно, и во всём нашем подъезде тоже, на каждом этаже свои коты и кошки.

Домик нашей квартирантке очень понравился! Она сразу же в нём поселилась, и не только ночевала, но и днём он стал её любимым уголком. Даже в жаркое время она там сладко спала, вытянув задние лапы наружу, на скамейку, для простора и удобства, переднюю же часть туловища оставляла обязательно внутри.

И было очень заметно, насколько уверенно она себя почувствовала в нашем огороде. «Я же ваша! – говорило всё её существо. – Ведь ваша же, да?»...

Голова моя механически возражала, а душа обволакивалась чем-то тёплым и мягким, мирным и безмятежным, уводящим прочь от привычного беспокойства о том и о сём, и шептала, изменщица, клятвопреступно: «Ну конечно же

наша, а чья же ещё»...

Однажды я уехала почти на весь день по делам. Ещё ночью начал накрапывать дождь, и к обеду он лил уже напропалую, даже и не намекая на просвет. Мысли постоянно возвращались к малышке-кошке: как она там, где, промокла, замёрзла, голодная... Вернуться удалось только к вечеру. Не заходя домой, бегу в огород. По зонту струями стекает вода, ноги мокрые аж по щиколотку, спешу, нервничаю, зонтик валится то вправо, то влево, мешает пройти в калитку. Изнутри, с таким же мокрым зонтом, её отворяет мне навстречу муж.

– А ты почему здесь? Уже с работы? Ведь рано ещё?..

– Почему рано? – смеётся. – Как раз вовремя. Все дома.

Кошка сидит в бане, сухая, сытая, весёлая. Радостно прыгает ко мне на колени, от меня к мужу, и так по кругу много раз.

Всем хорошо. Все дома. Всё в порядке.

Налаженная жизнь

– Давай её назовём как-нибудь, – предложила я мужу. – Ну, что уж теперь делать, она у нас живёт, значит, должно быть имя.

– А как?

– Ну, я не знаю. Как обычно зовут кошек? Может, просто Мурка?

– Маруся. Пусть будет Маруся.

– Значит, будет Маруся.

Мурка с только что обрётённым именем Маруся спала у меня на коленях и даже по-детски посапывала от блаженства. Что ещё требуется котёнку для счастья? Сыта, уже любима, на улице лето, разные мошки и бабочки для развлечения, и можно вскарабкаться на колени к хозяйке или хозяину, и они тебя не прогонят, а напротив, погладят и поиграют... разве этого мало?

– Ма-ру-ся! – зову я, приходя днём в огород. – Ты где? – и Маруся тут как тут. Утром муж приносит ей немножко каши или сметаны, потом прихожу я – и у Маруси обед. А после обеда мы идём в обход по огороду. Первое слово из огородной терминологии, которое Маруся хорошо усвоила, – «огурцы».

– Пойдём, Маруся, посмотрим, как там поживают наши огурцы. Может, их пора уже собрать? – И она бежит

вприпрыжку впереди меня к огуречному парнику, встаёт передними лапками на доску, ограждающую длинную грядку, и со всем вниманием смотрит: где они? А потом забирается в гущу огуречной ботвы и бродит там, будто и вправду что-то разыскивает.

Иногда после её обеда я задерживалась, чтобы вымыть блюдо, а она за это время добежала уже до грядки с огурцами, и успевала вернуться обратно от неё за мной: поторпись, мол, распорядок надо выполнять строго. Потом точно так же мы стали вместе ходить собирать помидоры. Маруся смотрела на меня вопросительно: «Куда сначала?», и бежала впереди, определяя по брошенному мною в ту или другую сторону взгляду – к огурцам или помидорам.

Если муж торопился и не успевал с утра обиходить наше небольшое хозяйство, немного попозже я шла туда сама. Огород постепенно наполнялся солнцем, становилось всё теплее и теплее, и прекрасно выпавшаяся Маруся, потягиваясь, вылезала мне навстречу из своей картонной избушки.

Однажды, с аппетитом уплетя свою порцию овсянки с курицей, она в каком-то особенно приподнятом настроении повела меня к грядке с морковкой. Именно повела: легко и весело подсакивая рядом, смотрела всю дорогу мне в глаза и неназойливыми «мявками» о чём-то говорила. Пришли. Посредине грядки сидел, похоже, один из серых соседских котят и свирепо раскапывал и выдира л лапами из земли уже

прилично выросшую морковку. Это был истинный, совершенно отчётливый, с первого взгляда определяемый, с мужским характером кот! На меня он глянул так же свирепо и, не обращая никакого внимания на моё громкое возмущение, продолжал свою работу.

Маруся стояла между нами и по всему было видно, что ей хотелось нас познакомить и, возможно, даже подружить. Но и она понимала, что её приятель наломал дровишек, и на вкусную кашу из чистого блюдца ему рассчитывать, скорей всего, не стоит.

То, что они из одного семейства, сомнения не вызывало – ровесники, да и других котят, кроме соседских из-за забора, сюда никогда не заходило. Но было ясно и то, что они ещё и друзья. И меня это как-то особенно проняло. Больше того, мне стало совестно за то, что вот Маруся теперь живёт отдельно от их большой семьи, и всё у неё прекрасно, она счастлива и искренне хочет, чтоб и её любимый сородич тоже стал бы с нами жить-поживать... Я видела, что он ей почему-то очень дорог, и кто их знает, о чём они там меж собою порешили, но ведь порешили же – ясно-понятно. А вдруг он и морковку эту выдирал, чтобы я увидела: он мне помогает!?

Я повернулась, чтобы принести ему остатки каши, но наш «копатель» оторвался от своих трудов, демонстративно сделал на морковке лужу и удалился хоть и вприпрыжку, но с прорисовывавшейся будущей походочкой враскачку,

всем своим видом нам чистосердечно говоря: «Да и пошли вы!.. Больно надо!»...

Мы с Марусей застыли от такой откровенной, практически оголённой демонстрации презрения по нашему адресу.

А за презрением-то – горечь и обида, детская, жгучая, может быть, даже невыносимая...

Но дружба их с Марусей продолжалась. Я всегда видела её в компании только с ним. Они вдвоём пролезали под забором за кустами смородины и надолго пропадали не известно где.

Вот и лето прошло...

Открывая в огород калитку, особенно по утрам, я ощущала, как на меня густой волной накатывается аромат цветущих бархатцев и флоксов. Аромат скорого сентября... Август уже держался просто на ниточке, шли последние летние дни, тёплые, солнечные, красочные, но... лето заканчивалось, увы.

Мы не заводили разговоры о том, что будет дальше. Оба знали, что Маруся стала нашей, что выдворить её за калитку уже невозможно, но и домой на зиму взять... как?

Самым любимым её занятием было, дождавшись днём меня и спрыгнув откуда-нибудь сверху, быстро-быстро поест, постоянно оглядываясь – не ушла ли я? рядом ли? – и вспрыгнуть ко мне на колени. Посидев на одном плече, на другом, уткнувшись носом мне в шею, или обняв лапками за руку, Маруся сладко засыпала, тихонько посапывая сквозь сон. Я сидела, не шевелясь, понимая, что эти минуты её глубокого сна – может быть, единственные, когда она чувствует себя в совершенной безопасности.

А вечера и ночи становились всё прохладней, оставлять её на ночлег даже в коробке уже не хотелось, хоть и шарф там лежал шерстяной, уютный. Пусть теперь ночует в бане. Баню топим часто, там тепло, да и под крышей всё-таки надёжной, и даже под замком – уж точно никто не обидит. Единствен-

ный минус – запирать её там придётся рановато, сразу после шести вечера, а утром выпускать не раньше семи. Делать нам в огороде вечерами было уже почти нечего, поэтому и домой уходили раньше, чем летом.

А Маруся всё сильнее к нам привыкала и придумывала разные хитрости, чтобы мы оставались с нею подольше. Любила улечься на что-нибудь из нашей одежды, мол, не отдам, а без этого вам не уйти.

Однажды в воскресенье мы целый день занимались разными делами: убирали ботву из теплиц, собирали спелые ягоды черноплодной рябины, подчищали сорняки на пустых уже грядках. Я заплетала в косы высушенный на солнышке лук, а Маруся играла с тесёмками, которые служили мне лентами для завязывания луковых кос. Наигравшись рядом со мной, она убежала к хозяину, он колот дрова для бани. Маруся, словно горная козочка, вспрыгивала на вершину сваленных грудой и ещё не расколотых чурбачков и начинала медленно и легко оттуда спускаться: грациозно переступала лапками с одного полена на другое, спускаясь всё ниже и ниже, а над её спиной серебристо-дымчатым султаном кокетливо покачивался поднятый вертикально хвост, вернее – покачивался лишь самый его чёрненький кончик, как легчайшее мягкое пёрышко на невидимой, но легко себе воображаемой изысканной дамской шляпке.

День стоял жаркий. Маруся постоянно была рядом с нами. Она даже не подремала ни разу за весь день в своей коробке

и, конечно, очень устала. Когда я сняла свою кофту и положила на скамейку, Маруся тут же вспрыгнула на неё, улеглась плашмя и, надёжно вцепившись всеми четырьмя лапами в свой трофей, моментально и крепко уснула. Спала она действительно крепко и сладко, уверенная, что никуда я без этой кофты не уйду. Так, на кофте, с уже ослабевшими во сне коготками, лежащей на боку, я и перенесла её на диван.

Её коробка вместе с шарфом переехала в баню. Там её установили недалеко от печки. В прохладные, дождливые дни Маруся любила сидеть и смотреть на горящий в печи огонь, а уж если и я сидела тут же, пошевеливая поленья и горячие угли, для неё не было большего наслаждения, чем растянуться у меня на коленях и моментально уснуть, да так глубоко, что, разнежившись от близкого тепла, задние лапы вытягивались всё дальше и сползали с моих коленей всё ниже, норовя стянуть вниз всю Марусю целиком. Я её подхватывала, укладывая поудобнее, а она даже не просыпалась.

Шарф шарфом, но для тепла и настоящего уюта я сшила ей матрасик из старенького махрового полотенца, наполнив мягким синтепоном. В коробке он улёгся, как перина на купеческой кровати, и Маруся оценила его удобство, забравшись сразу к дальней стенке. Когда мы уходили, оставляя её хозяйничать, она провожала нас слипающимися в дрёме глазами из глубины своей лежанки.

Но просыпалась она, естественно, рано, к семи часам утра

её терпение сидеть в заточении окончательно иссякало и, открывая в баню двери, уже снаружи было слышно её истошное мяуканье. Когда же врата к вожделенной свободе наконец-то распахивались, Маруська висела на дверном косяке, уцепившись за него одной лапой, а остальными тремя пытаясь, похоже, выдавить двери наружу. Выскочив, как чертёнок из табакерки, на улицу, она привольно, широко потягивалась, зевая во весь свой крошечный розовый ротик, выпуская ночную скованность и настороженность из самой глубины невеликого пока ещё организма, и... останавливалась в нахлынувших раздумьях: «А что же дальше?..».

Как-то утром я вот так же выпустила её на свободу, положила в блюдце завтрак, но Маруся даже не посмотрела в его сторону. Как и в мою, между прочим. Она сиганула через калитку, там на зелёной лужайке под пригревающим солнцем уже резвилась вся кошачья братия. Маруська сходу вклинилась в весёлый хоровод и было видно, что заняла в нём лидирующую роль, во всяком случае котята ей очень обрадовались. И сколько я ни окликала её, она и головы не повернула, будто вообще меня тут не было.

Я торопилась домой, оставив её развлекаться с друзьями. И впервые со времени нашего с нею знакомства в сердце у меня шевельнулось неловкое ощущение ревности и досады.

Но когда я днём вернулась в огород повывёргивать с грядки уже одеревеневшие к началу осени побеги листового са-

лата, – каждый некогда сочный и нежный кустик вымахал до метра ростом, мы просто не успели съесть за лето все его листья, – проказница моя пришла ко мне, появившись неслышно и незаметно. Теперь она играла среди этих высоких салатowych зарослей, то лукаво прячась от меня, вжимаясь мягким белоснежным брюшком в рыхлую тёплую землю, то взлетая выше высохших кустов, переворачиваясь в воздухе и плавно падая на лапки вплотную с моими руками, как будто бы мне говоря: «Пожалуйста, не обижайся! Мне хорошо с тобой, мне спокойно и весело, когда мы вот так вместе работаем в огороде, но и с друзьями поиграть ведь тоже весело и славно. Конечно, я теперь твоя, и люблю тебя очень-очень, и никуда от тебя не уйду ни за что на свете, но я же кошка, а кошкам, ты ведь знаешь, необходимо гулять иногда и самим по себе»...

Ну разве можно было на неё всерьёз сердиться?

В другой раз мы вместе рассаживали клубнику. Маруся резвилась среди отросшей за лето и местами подрумянившейся на солнце шебуршащей ягодной листвы. Веселью её и хулиганским проделкам не было просто никакого предела. В конце концов, прямо посреди игры, она упала в самом центре грядки и уснула богатырским сном. Спала она так безмятежно, что казалось, её сейчас и пушкой не разбудишь. Но, если я отходила куда-нибудь в другой конец огорода, она моментально поднимала голову из листьев и тревожно вгля-

дывалась: не ушла ли я совсем, уже домой, пока она спала, не осталась ли она тут одна-одинёшенька? Я возвращалась, и Маруся засыпала снова.

К вечеру стало понятно, что собирается дождик. Вернулся с работы мой муж. Марусю водворили в баню, накормили, и пришла пора прощаться до утра. Дождь уже стучал всюду по крыше, отдалённо даже где-то погрымывал гром, сентябрьская гроза прощалась с летом окончательно и бесповоротно.

Маруся, сидя на диване, повернулась к нам спиной и не отзывалась ни на какие наши к ней воззвания. Обиделась, что уходим? Оставляем одну в темноте и сиротстве, на долгую дождливую ночь... У меня заняло под ложечкой, и домой я пошла с глухо сжавшимся сердцем.

Дорогая пропажа

Утром я опять уехала по своим делам, но вернулась пораньше, часа в два дня. Сразу же зашла в магазин купить для Маруси коробку попросторнее, она за прошедшие полтора месяца подросла, и было заметно, что в её домишке ей тесновато. Мне предложили бесплатно на выбор несколько. Взяв одну из них, я намеревалась сразу зайти в огород, чтобы там её и оставить. Но потом передумала: лучше уж сразу дома переодеться, взять Маруське поесть да и идти там делать разные дела до возвращения мужа.

Маруси в огороде не было. Она не спрыгнула, как всегда, с калитки мне навстречу. Её не было и под крышей соседской беседки, откуда она обычно зорко высматривала, не подходим ли мы к участку. На многократно повторяемые «кис-кис» и «где моя Маруся?» она не появилась, не отозвалась. Ну, ничего, появится. Ушли, наверное, со своим сердитым приятелем к дальним огородам, их вокруг немало.

Я занималась то тем, то этим, а мысли крутились вокруг котят. Скоро совсем она вырастет и тогда уж тут со мной сидеть не будет, у кошек своя жизнь и свои интересы.

Время приблизилось к вечеру. Муж, как нарочно, тоже задерживался на работе, я периодически выглядывала за калитку. Ни того, ни другого видно не было. Наконец, он приехал и самый первый вопрос его был – «Где Маруся?». Рас-

сказала, что и как. Пошли поискали вокруг огорода. Не видно, не слышно. Решили уйти, а потом, попозже вернуться, должна же она появиться.

В восьмом часу уже начинались сумерки: как ни крути – сентябрь. Маруси не было. Вокруг бегал сорвавшийся, грохоча волочившейся следом цепью, охотничий пёс соседа, того, у которого куры. Подумалось, что пёс котейку напугал, и она сидит где-нибудь, дрожа от страха. Мне начали заползать в голову мысли, что раз пёс охотничий, то кошки ему вообще представляются зайцами, а с зайцами у собак разговор короткий. Надеялась только на то, что кошки быстро лазят по деревьям и по крышам. Но бог его знает... Маруся, Марусенька, где ты?! Ответа по-прежнему не было.

Ночь тянулась долго, рисовались страшные картины: маленькая перепуганная Маруська сидит в болоте за огородами, заблудилась и не знает, в какую сторону идти домой... А если ранена, покусана собаками или... не дай бог, замучена мальчишками?.. Ведь когда я шла с коробкой из дома, на повороте к участку как раз стоял мужчина и отчитывал троих незнакомых пацанов лет девяти-одиннадцати, вышедших из нашего заулка, на предмет того, не курили ли они там. С этой минуты мальчишки не выходили у меня из головы.

Рано утром муж позвонил: Маруси на участке нет. Весь день я каждые пару часов бегала из дома к огороду, ходила

вокруг, звала её по-имени, и всё время казалось, что откуда-то слышится в ответ Марусин тихий голосок.

А если она утонула в пруду? Ведь любила ходить по самому краю над водой, – сорвалась и всё... Умеют ли котята плавать?.. Муж утешал: умеют, утонуть не могла.

Весь вечер мы снова бродили вокруг и лазали по кустам и высокой окрестной траве. Подходя к очередной огородной калитке, услышали звонкое мяуканье. Похоже... но не наше. Из-под дощатого порожка вылез чёрненький с белой грудкой малыш Марусинового возраста, степенно уселся перед нами и, широко открывая розовый рот, начал нам обстоятельно что-то рассказывать. Мы стояли над ним ошеломлённые и растерянные, вслушиваясь в искренний рассказ, нутром ощущая, что он действительно что-то знает, и от непонимания кошачьего языка испытывали ещё большее опасение за нашу Марусю. Спасибо тебе, милый, за участие, но так ничего и не поняв, мы отправились дальше, а котёнок, мяукнув нам вслед что-то ещё, пролез обратно под свою калитку, на обжитую уже, видно, территорию.

Соседские наши котята ежедневно появлялись на лужайке за калиткой, смотрели на меня вопросительно-тревожно, будто тоже что-то знали, только я не понимала ничего, и от этого непонимания было особенно беспокойно и мучительно.

Подруга меня утешала, придёт, мол, твоя Маруська, куда она денется, кошка ведь, а кошки имеют привычку пропа-

дать на какое-то время, а потом появляться. Привычку!.. Ей ещё и четырёх месяцев, скорее всего, не было, какие могли у котёнка появиться такие привычки, чтоб пропадать не первый день подряд?

Третий день был уже просто невыносимым. Я начала даже время от времени плакать, не в силах себя сдержать. Встретила на улице тех самых подозрительных мальчишек и с пристрастием, хоть и вежливо, их допросила.

– Это такая маленькая с розовым ошейником? – уточнили на всякий случай подозреваемые. – Она вчера ходила у дома номер девять...

– И у двенадцатого тоже... – подсказали двое других. Глаза у мальчишек были чистыми, честными, искренне мне сочувствующими, потому что в моих они видели слёзы. Но у моей маленькой кошки розового ошейника не было.

Мысли мои уже начали мне нащёптывать, что, ладно, мол, смирись, ну, придёт так придёт, а нет... тут уж главное, чтобы гибель её была безболезненной, без мучений (как будто я могла за это поручиться!). А возникли эти мысли оттого, что подруга моя мне рассказала, как работники коммунального хозяйства по спущенной сверху инструкции бездомным котам специально оставляют корм, в который добавляется яд. То есть их намеренно травят, потому что плодятся эти коты и кошки просто в геометрической прогрессии, где же на всех набраться хозяев?

Я была уверена, что Маруся не стала бы есть этот корм. Зачем? Она сыта, вкусно накормлена. К тому же, в ней ощущалось некое природное благородство, не позволяющее брать еду из чужих рук и тем более – подбирать где попало. Поэтому мысли мыслями, а сердце подсказывало: «Нет, этого не было. Она должна быть жива. Ищите».

К вечеру этого дня (была пятница) приехал сын. Он улетал отдыхать и пригнал на время отпуска к нам свою машину. Увидев мою зарёванную физиономию, от души посочувствовал, зная, как я уже привязалась к Марусе. Поздно вечером мы проводили его в город на электричку и, вернувшись домой, подъехали опять к огороду.

Фары светили в крошечную темноту. Темень и тишина, ни звука, ни шороха. Покричав в сентябрьскую ночь, уже безнадежно и горько, «Маруся!.. Марусенька!..», я ударила лбом о калитку и горько, навзрыд, не сдерживаясь и не стесняясь, заплакала в голос. Мне не хотелось больше открывать эту калитку и заходить в огород – без неё мне там нечего просто делать. Везде, на каждом моём шагу оставались следы её маленьких лапок. Без неё огород опустел. И почему исчезла именно она? Все остальные котята по-прежнему бегали мимо, а её сердитый друг-товарищ тосковал, наверное, не меньше меня.

Весь следующий выходной день мы искали Марусю уже по всему посёлку, заглядывая в известные нам места ко-

шачьих тусовок и просто в места их возможного обитания. На площадке между старыми пятиэтажными домами мы неожиданно оказались в самом эпицентре кошачьей общественной жизни. На асфальте сидели кружочком около десятка упитанных, с блестящей на солнышке шерстью котов, подопечных, судя по всему, одной чудесной женщины, которая ежедневно их всех кормит и лелеет, имея из всех своих доходов лишь крошечную пенсию. Забота о бездомных животных давно уже стала смыслом её одинокой жизни.

Коты дружелюбно нас окружили и так же, как недавний чёрненький котёнок, начали совершенно осознанно с нами разговаривать. Со всех сторон подходили всё новые красивые, чистые и благородные Барсики, Мурзики, Рыжики, Василии и Борисы и прочие именитые представители кошачьего племени, явно желая помочь нам в меру своих возможностей. Особенно же старался оказать нам содействие опять-таки чёрный, весьма харизматичный, импозантный, я бы сказала, кот. Он даже немного нас проводил, как это делает вежливый, благовоспитанный хозяин по отношению к свои гостям.

Впервые в жизни я была поражена этой неожиданно открывшейся стороной нашей действительности. Загадочный кошачий ум и огромная доброжелательность, открытость и готовность к интеллектуальному общению с людьми меня в те дни поразили до самого сердца. Я навсегда прониклась к ним уважением и благодарностью уже просто за то, что они,

казалось, все были в курсе нашей проблемы, больше того – им, видимо, было известно то, что не всегда известно людям, и неудача оказалась только в том, что мы не понимаем их язык. И не верим в него. К стыду своему. Потому что они-то наш понимают...

На пятый день, в воскресенье, меня наконец осенило, что следует сделать. У меня же есть Марусины фотографии, я распечатаю на принтере объявление с её портретом о пропаже и расклею, где только возможно. Наверняка же хоть кто-нибудь что-нибудь знает.

Муж обзванивал знакомых, не видел ли кто... не в курсе ли...

Вдруг я услышала, как он говорит по мобильному с нашим соседом по огороду, у которого живут Марусины сородичи.

– Да мы её домой забрали. Это моя кошка. Я её крошечной взял в деревне у ... – отвечает сосед на вопрос моего мужа. – Пацан же маленький у нас, ради него и взял котёнка. Но она дома туалетом пользоваться не хотела, жена замучилась за ней убирать. Вот и решили на лето в огород отнести, тут этих котят полно, пусть с ними за компанию поживёт «на даче».

– У нас она живёт, уже два месяца почти, – объясняет муж. – Пришла и осталась.

– Понятно... Я и смотрю, что не ест ничего, когда этих бездомных кормлю, даже близко ко мне не подходит, в руки

вообще не даётся.

Я замерла.

– Так, может быть, она вам не нужна? – ведёт переговоры муж. – А к нам она уже привыкла, и мы к ней тоже.

– Спрошу у жены... Она её пожалела, холодно стало, решила опять домой забрать. А кошка по-прежнему по углам свои дела справляет, и ничего поделатъ с ней не можем. Если не получится приучить к лотку, надо что-то решать...

Ага, в лес её, к волкам, – зло стукнуло у меня в голове.

– Ну, вы подумайте всё-таки, – дипломатично ведёт нашу линию муж. – Мы бы её забрали. Прямо сейчас.

– Ну... сейчас... Ладно, до завтра посмотрим, как она будет себя вести. Если опять...

– Всё. Договорились. – Муж сунул мобильник в карман и посмотрел на меня как-то неопределённо: вроде бы и нашлась наша Маруся, а вроде бы она и не наша...

Но у меня с каждого плеча уже упало по камню. Слава богу, жива и здорова. Теперь самое главное, чтобы Марусяка с чистой совестью продолжала делать то, что так не нравится её законным хозяевам. У меня-то подобных претензий к ней не бывало.

Возвращение

Понедельник тянулся долго. К тому же шёл дождь, и весь день я провела дома. Приехал с работы муж, я встретила его на улице:

– Не звонили?..

– Нет.

Сходили в магазин. Прошлись под окнами у сердобольных Маруськиных хозяев – а вдруг она сидит на подоконнике? Хоть посмотреть издалека. Вдруг нас узнает?.. Нет, не видно.

Поужинали. Дождь всё идёт. Уже семь вечера, вот-вот стемнеет, да и ненастье осеннее сумрака добавляет. Чем занять свои мысли, куда их направить? Муж включил очередной боевик, а мне не пишется, не читается, телевизор не смотрится. Ничего не получается, как ни старайся. Хоть спать ложись. Утро же вечера мудренее, может, завтра-то всё и решится...

Звонок!

То ли телефон у мужа стоял на громкой связи, то ли слух у меня настолько обострился, но я услышала из другой комнаты самоуверенный баритон соседа:

– Забирайте вашу красавицу. Сейчас привезу.

Муж моментально собрался и побежал в огород. Растопил печку в бане. Дождь лил уже, как из ведра. Я захватила из холодильника кусочек вкусной, ароматной даже колбасы,

что в наше синтетическое время просто редкость, и побежала следом. Мимо по дороге пролетела машина соседа, свернула к его участку. Я-то ожидала, что он заедет прямо к нам, поскольку калитки у нас с совершенно разных сторон и общаемся для удобства через забор.

Мы уже были в бане, стояли в нетерпении у открытых настежь дверей. Маруси всё не было. Неужели так трудно было передать её из рук в руки? Нет, сосед выпустил её в своём огороде под проливной дождь и уехал.

Наконец, она выбралась своим привычным путём – из-под крыши соседской беседки на наш забор, с него на калитку и... вот уже бежит к нам по дорожке.

Но, боже мой! Глаза у неё... зашуганного, загнанного в угол зверька.

– Марусенька, хорошая моя! – пытаюсь взять её на руки, но она проскакивает мимо в баню и начинает подробно заглядывать в каждый угол, словно желая убедиться, что вернулась по адресу, что это именно то, хорошо знакомое, место, где она раньше чувствовала себя в безопасности. Муж тоже попытался взять её на руки и погладить, поговорить, успокоить, – не тут-то было. Маруська вырывалась и продолжала метаться по всему помещению. На вкусную колбасу никакой реакции.

Зачерпнув ковшом чистой прохладной воды, я поставила его перед нею. Кошка прильнула к воде и долго не отрывалась, не в силах, видимо, утолить давнюю жажду. Нако-

нец, напившись и тяжело дыша, она прилегла перед печкой с жарко разгоревшимися дровами. Но стоило только протянуть в её сторону руку, чтобы погладить, моментально вскакивала и запрыгивала куда-нибудь, где её невозможно было достать.

– Не будем обращать на неё внимания, – решила я. – Пусть успокоится. Когда захочет, тогда сама подойдёт. Ей надо просто придти в себя. Столько стрессов уже пережила, бедолажка, а ей всего-то несколько месяцев от роду.

– Я, пожалуй, домой пойду, – сказал муж. – Вы тут привыкайте друг к дружке, пока печка топится, вдвоём скорее поладите. Если что, звони, приду.

И он ушёл. За дверью уже стояла полная темнота. Дождь почти закончился.

Я сидела перед открытой дверцей печки, шевеля кочерёжкой прогорающие поленья, и делала вид, что Маруси рядом нет, во всяком случае, я её здесь не вижу. Через какое-то время она ко мне подошла, так же смятенно, горячими глазами, на меня посмотрела и вдруг вспрыгнула на колени, внимательно, испытующе даже, глядя в лицо. И тут же соскочила, выпрыгнув на улицу за дверь. Прошло уже часа полтора, как затопили печку, помещение прогрелось, и сидеть дальше взаперти было невозможно, поэтому двери я приоткрыла, надеясь всё же на Марусино благоразумие.

Но Маруся убежала на улицу, и я не знала, как мне быть дальше. Где её искать в крошечной тьме? Приглядевшись,

различила у калитки белую грудку и лапки, – значит, не собирается она удирать, а просто вышла воздухом подышать, освоиться – неделю всё-таки здесь не была. Но когда я сделала в её сторону шаг, Маруську как ветром сдуло, и белая шерстка замелькала уже за калиткой. Я вспомнила про вкусную колбасу. Разломил кусок для аромата, чтобы он стал осязаем в воздухе, – и она действительно подошла, потянулась за лакомством. Но не бросать же его в мокрую грязь, а с руки она взять не захотела – понесла, зовя её за собой, опять в баню, на блюде. Маруся за мной пошла, но, передумав, ускакала снова за калитку: там, немного в стороне, всё ещё лежали высокой кучей наколотые дрова, и она исчезла где-то за ними.

И началась у нас игра в догонялки: она вокруг дров от меня, а я то за ней, то, изменив тактику, ей навстречу. Маруська время от времени растворялась в темноте, я теряла её из виду, звала, уговаривала вернуться, она мелькала рядом и снова пропадала.

На меня накатило отчаяние: ну, что же делать-то? Уйти, оставить её на ночь на улице? Так ведь если опять что-нибудь приключится, век себе не прощу. Хоть сама оставайся в бане ночевать: устанет же она, в конце концов, придёт в свою коробку поспать, наверняка же помнит о ней, о матрасике мягком, удобном...

Я стояла, уже совсем привыкнув к темноте, безучастно тербила в руке кусочек колбасы и размышляла. Снова стал на-

крапивать дождь. У самых моих ног внизу забелели Марусины лапки, и я почувствовала, что она снова тянется к колбасе. Проголодалась всё-таки. Изловчившись, ухватила её подмышку и быстро-быстро унесла в баню. Пока она ела, заперла снаружи двери, слыша, как она, спохватившись, вопила из-за них, и с облегчением думала: «Ничего, ничего. Всё в порядке. Поспи, моя маленькая, до утра, а утром всё у нас будет по-прежнему»...

Утром я принесла ей её любимой каши, тёплой, только что сваренной. Маруся съела всё до капельки с большим аппетитом, вылизав блюдце до зеркального блеска. Я сидела рядом, смотрела, как она завтракает, но даже попытки не делала погладить или как-то проявить своё внимание. Маруся умылась, как положено после еды по кошачьему этикету, села напротив и... прыгнула ко мне на колени. Я всё ещё не решалась её обнять, чтобы не испугнуть, а она, приподнявшись, смотрела мне в глаза – близко, близко, почти вплотную, будто старалась через зрачки проникнуть прямо в душу и увидеть там ответ на мучивший её вопрос. И вдруг крепко-крепко прижалась своим носиком к моему носу, так крепко, что я засмеялась: «Сломаешь!..». И обняла её, и она прижалась нежной мордочкой к моей шее, как раньше.

И опять двадцать пять...

И всё у нас пошло по-прежнему. Каждый день мы много времени проводили с Марусей в огороде. Обходили неспешно вдвоём наши владения, задерживаясь то у куста чёрной смородины, чтобы нарвать ароматных листочков для чая, то обрывали разросшуюся мяту и связывали её в небольшие душистые венчики – в парилке свежий мятный дух пусть не всю зиму, но какое-то время ещё будет напоминать нам об этом нашем лете. Я пересаживала цветы или просто сидела в беседке, слушая тонко позванивающую над головой «музыку ветра», Маруся забавлялась поблизости с маленьким мячиком и отданной ей в игрушки мелкой луковицей, покрытой золотистой шелухой.

Уходящее всё дальше лето, казалось, тоже радовалось Маруськиному возвращению и дарило нам напоследок тёплые пригожие денёчки, ярко раскрашенные багряными листьями густо плетущегося по беседке девичьего винограда. К вечеру начинала сгущаться прохлада, и Маруся с удовольствием забиралась ко мне под мягкую куртку, сворачивалась там клубочком, уткнувшись, как обычно, носом в шею, и готова была так дремать до утра, если бы... Если бы не надо было мне уходить домой, а ей оставаться на ночлег в бане.

Всё чаще я втихомолку, про себя, задумывалась о том, что вскоре придут и первые заморозки, и вслед за ними на-

стоящие морозы, и долгие холода до новой, далёкой, совсем и не представляемой ещё нынче весны. Что будет делать Марусяка одна-одинёшенька в не каждый день протапливаемой бане? Мёрзнуть в своей коробке? Да хоть и бегать днём на улице, по снегу или по холодной земле, чтобы на ночь быть запертой всё в том же холодном помещении? Топить ежедневно баню ради неё? Для нас самих зимой такой необходимости нет, дома тепло, из крана течёт горячая вода, да и выходить на улицу в непогоду порой не хочется без особой надобности.

Мужу поведать о своих размышлениях я пока не хотела, надеясь, что всё разрешится как-то само собой. Время ещё есть. Пока тепло, и травка ещё зелёная, на ней друзья Марусины, подросшие за лето котята, резвятся от души, и она вместе с ними.

Как-то вечером муж пошёл закрыть её на ночлег, но позвонил и сказал, что не знает, как быть: Марусяка играет на лужайке с тем самым чёрным котёнком, который пытался нам что-то поведать, когда мы её искали, и её невозможно поймать, в руки не даётся и домой, то бишь в баню, уходить не хочет.

Ждал он её довольно долго, кое-как всё-таки водворил на ночёвку, а утром она не вылезла ему навстречу из своей коробки, не выскочила, как всегда, пулей на улицу, не вопила возмущённо, уцепившись за косяк, в нетерпении, пока

ключом откроют дверь. Невесело на него посмотрев, Маруся снова прикрыла глаза и осталась спать дальше.

И я нашла её, по-прежнему лежащей в коробке. От блюда с едой она отвернулась, и было заметно, что у неё нет силёнок даже выйти на улицу. Взяв её на руки, я поняла, что она и вправду очень слаба и носик у неё горячий.

Что ещё такое? Почему? Откуда эта-то напасть?

Вдруг меня как будто осенило: может, глисты? У котят же, как и у щенят, они бывают практически у всех, и должно же быть от этого лекарство. Побежала в аптеку – закрыто. Тут же, рядом в магазине, продавщица пообещала мне принести суспензию, которую даёт по такому же поводу своим маленьким детям: и котята, и ребята – все они дети, – рассудили мы с откликнувшейся на мою неожиданную проблему женщиной. Правда, впоследствии выяснилось, что напрасно: срочно проштудированный интернет объяснил, что человеческое лекарство кошкам не помогает, у них есть своё. Но выхода у меня пока что иного не было, и обретя, пусть мизерую, надежду, я снова бросилась к Марусе.

Она уже подрагивала от озноба. День был прохладный и пасмурный, – как ни крути, а сентябрь приближался к финалу. Душа у меня разрывалась ещё и потому, что утром должен был вернуться из отпуска сын, двенадцатичасовой перелёт – не шутка, а сообщения о приземлении в Пулково я от него до сих пор не получила. Не разрешала себе нервничать, но под ложечкой поднывало от неизвестности. А тут

ещё и Маруся...

Так, будем рассуждать трезво: ей холодно, значит, первым делом надо её укрыть чем-то тёплым и затопить печку. Время бежало быстро. Пришло долгожданное сообщение от сына – уже легче. Марусю с её постелью перенесла поближе к теплу. Она всё время спала, лежала совсем неподвижно, только глаза время от времени открывала, и в них было и равнодушие, и тоска, но и, как мне казалось, вера в то, что я её не оставлю и обязательно помогу.

Через час-полтора вернётся муж, успеем ещё и в ветлечебницу съездить.

За калиткой остановилась машина: сын! Приехал, слава богу, всё в порядке!

Войдя и посмотрев на нас с почти уже безжизненной Маруськой, он сказал:

– Мам, ведь она у тебя до утра не дотянет. – Я внутренне содрогнулась и посмотрела на него затравленно, почти Марусиными больными глазами. – Надо ехать к ветеринару, прямо сейчас.

– Едем, сынок...

Нащупав в кармане куртки какие-то деньги (приём наверняка платный) и взяв Маруську в охапку вместе с её матрасиком, я села на заднее сиденье, и мы полетели. Уже почти пять вечера, кто знает, во сколько закрывается ветлечебница – успеть бы, только бы успеть!

В коридоре дожидались очереди на приём две дамы: одна с вальяжным чёрным котом, спокойно сидящим столбиком у неё на коленях и, видимо, уже привычным к таким посещениям, вторая с маленькой собачкой. Дамы благодушно беседовали, поглаживая своих холёных питомцев, но увидев меня с горящим лицом, заполошно прижавшую к себе Марусю с её безвольно опущенным из одеяльца хвостом, обе поняли степень моей тревоги и предложили пройти без очереди.

Ветврач, молодая совсем девчонка, быстро и внимательно осмотрела тряпичной куклой лежащую на высоком столе Маруську, деловито задавая мне попутные вопросы.

– Понятно, – заключила она. – Этой инфекцией болеют почти все котята, а уж уличные и тем более.

Маруся, не сопротивляясь, получила тут же несколько уколов и назначение приехать завтра в это же время за новой порцией лекарств.

Мой диагноз остался не подтверждённым, да как мне объяснили, и не первоочередным, с этим справимся потом, когда она поправится и окрепнет.

Домой мы возвращались успокоенные. Я была рада, что сын вернулся, к тому же так вовремя, да ещё и, не раздумывая, взял инициативу в свои руки, благодаря ему мы успели в клинику за полчаса до закрытия. Он же был рад, что смог нам помочь. А Маруся крепко спала в моих объятиях, я чувствовала, что она согрелась и убаюкалась, и стало ясно, что её, хоть и очень болезное пока состояние, было уже на пути

к излечению.

Ни у кого из нас не возникло даже мало-мальского допущения, чтобы её одну оставить на ночь в бане. Я принесла её домой. Достала из шкафа лохматый плед и, укутав в него Маруську, оставила в спальне на кровати, а сама пошла готовить ужин в честь возвращения сына из дальних странствий. Когда они с отцом тоже пришли домой и склонились над измученной котейкой, она приоткрыла глаза, прищурив их с явным выражением благодарности: мол, не волнуйтесь, мне уже получше, и снова провалилась в свой, теперь спокойный, сон.

На следующий день к вечеру мы опять поехали в лечебницу. Маруся всё ещё была слаба, поэтому спокойно сидела на руках, завёрнутая для тепла в мою шерстяную шаль с кистями. В клинике на этот раз посетителей было больше. Я обратила внимание (и сама уже изрядно успокоившись), что работают в ней в основном молодые женщины, ловко и толково делающие свою важную работу. Не всякий и мужчина сумеет сладить с разбушевавшимся котом, а уж тем более – с большой собакой. Собака, крупная, но очень ещё юная овчарка, забавно смущающаяся, когда мы случайно встречались глазами, тоже сидела в очереди со своими молодыми хозяевами.

Нас попросили пройти в другой кабинет, не вчерашний, и немного подождать, пока для Маруси приготовят несколь-

ко шприцев с лекарствами. Она, видать, по запахам вспомнила вчерашнее своё посещение этого места и уколы, два из которых были очень болезненными, и слегка уже оклемавшись, не захотела дожидаться новых экзекуций. Я с трудом её удерживала, когда наконец вошли две девушки и предложили мне, чтобы не мучиться от жалости, просто подождать в коридоре. Полностью им доверившись, я вышла, села на банкетку. Напротив сидела очень пожилая маленькая женщина, бабушка – по-другому и не хочется называть это добрейшее, судя по всему, существо, с большим белым котом, смиренно лежащим в сумке-переноске.

– Ослеп совсем, старенький уже, – пояснила она мне. – Ношу их сюда каждый день, то одного, то другого. Их у меня восемнадцать.

Я ахнула про себя. Тут с одной Маруськой сердце разрывается, а с восемнадцатую?..

– Да, всех маленькими подобрала на улице. Жалко их очень. Но и сама уже устала, лет-то мне многого... – протянула, улыбнувшись, старушка с румяными щёчками (от быстрой ходьбы по осеннему чистому воздуху или от гипертонии румяными?..). – Даже подумать боюсь, что будет с ними со всеми, если со мной что случится.

Я не знала, что ответить, какие слова тут можно сказать? Что доброта наказуема? Так вряд ли она и сама об этом не знала, нянчась с такой кошачьей оравой. Но, с другой стороны, получила бы она за свою не маленькую жизнь

столько искренней любви и благодарности от восемнадцати внуков, будь они у неё? Едва ли. Люди далеко не так щедры на чувства и на их проявление, как бесхитростные эти зверюшки, даже не имеющие представления о том, что такое камень за пазухой. Так что бабушка-то была, по сути, счастливейшим человеком.

– А ваша-то кошечка не простаая, – продолжала моя собеседница.

– Почему вы так думаете? – я целиком обратилась в слух.

– Так она у вас семицветная. А это оочень добрый знак.

– Как семицветная? Трёхшёрстная она, обычная кошка.

Сама к нам маленькой в огород пришла и живёт. Вот и стала теперь родная, – улыбнулась я, услышав за дверью Маруськино возмущённое мяуканье.

– А вот это и совсем хорошо, что сама-то пришла. Это к счастью. А то, что семицветная – это точно вам говорю. Присмотритесь, у неё ведь много оттенков на шёрстке.

Я не успела уточнить, к чьему конкретно счастью – к нашему, человеческому, или персонально к Марусиному кошачьему пришла она к нам, – Маруську вынесли гордо сидящей на согнутой в локте руке одной из только что лечивших её Айболиток. Я распахнула им навстречу шаль с кистями, и кошка моя нырнула в неё, как в родное уютное гнёздышко.

Приобретя здесь же, в лечебнице, по совету доктора специальный, укрепляющий силы пащтет для голодающей который день Маруси, мы поехали домой, уже окончательно

поверив в её скорое выздоровление. Всю дорогу она опять спала, укрытая платком, пригревшись на коленях, а дома самостоятельно спрыгнула с рук на пол.

Первым делом дали ей попить, и она полакала немного воды из маленькой широкой чайной чашки. А потом съела буквально капельку того целебного паштета, но мы уже и этому были рады. Всего лишь за два дня она настолько ослабела, что превратилась просто в обтянутый своей семицветной шерсткой скелет, хвост её волочился сзади, как чужой, а силёнок не было и на то, чтобы спрыгнуть с кровати на пол, – да впрочем, и незачем ей было спрыгивать куда бы то ни было, она спала, спала и спала. А во сне мы, как известно, выздоравливаем.

Мы сели ужинать. Маруся осталась с нами на кухне. Муж держал её на руках, но она вдруг упрямо заёрзала, явно имея какую-то цель. Слезла на пол, села под столом у ног нашего сына, осторожно касаясь лапкой его джинсовой штанины, и подняла голову вверх, чтобы видеть из-под стола его лицо. Было видно, что она собирается с силами. Я боялась, что заберётся к нему на колени, – с его-то аллергией, ой-ё-ёй.

И она это сделала. Умудрилась вспрыгнуть на диван, посидела рядом, потёрлась головой о его руку, а потом нетвёрдо ступая, перешла на колени и улеглась, бессильно свесив лапы спереди и сзади, потому что подобрать их и улечься калачиком силёнок уже не хватило. Мы все сидели, замерев, боясь и за того, и за другого. Я ощущала и вину свою пе-

ред большим своим ребёнком, и его взрослое уже понимание всего происходящего, и огромную к нему благодарность.

Благодарность к нему ощущала и Маруся, и выражала её по-своему, как могла и умела.

Тонкости кошачьей гигиены

С самых первых дней поселения на участке, с аппетитом уплетая с блюда принесённый ей обед, Маруся всякий раз направлялась в самый дальний угол, где растёт молодая ёлочка. Спрятавшись за неё и посидев там минутку, она выпрыгивала ко мне, чтобы на каждом шагу меня сопровождать. Я умилялась, глядя на её за-ёлочные посиделки: «Надо же, какая умница! Такая маленькая и уже такая деликатная!».

Когда Марусю стали оставлять на ночь в бане, я купила ей специальный лоток – кошачий туалет, ведь ёлки в бане нет и в случае чего сбегать нашей мурке будет некуда. Подкараулив момент, когда она в очередной раз отправилась по своей надобности, я прямо на улице посадила её в лоток, и дело было сделано: Маруська машинально поняла, что от неё требуется. В лоток насыпала заодно приобретённый в магазине наполнитель из очень твёрдых спрессованных древесных комочков. Хотя и мелких, но на мой взгляд не комфортных. Других в продаже в поселковом магазине тогда не оказалось. Обычный уличный песок насыпать не хотелось – от усердных кошачьих закапываний «места преступления» песок летел бы во все стороны. Тем не менее, было понятно, что Маруся по ночам своим туалетом пользовалась. Но только по ночам, днём, как и прежде, бегала за ёлку.

После всех пережитых злоключений мы её оставили дома. Это уже было естественно, разумелось само собой. Да и похолодало к этому времени изрядно. Туалетный лоток из предбанника тоже переехал домой, вместе с деревяшками наполнителя.

Несколько суток истощённая болезнью, ничего не евшая и не пившая, туалетом Маруська, конечно, не пользовалась. Лечебный пащтет из маленькой баночки оказался поистине волшебным, и через пару дней она уже сама просила есть. Постепенно Маруся поправилась, ожила, начала играть, и однажды я вдруг увидела, как наша замечательная кошка сидит рядышком с лотком, с явным презрением на него поглядывая, откровенно делает лужу на полу и резво убегает играть.

Меня охватил столбняк. Как?! Моя благовоспитанная Маруся позволяет себе подобное безобразие?! Почему?.. Может, болезнь на неё так подействовала? Или та злополучная неделя «в гостях» у «законных хозяев»? Ведь они жаловались, что она плохо себя вела в этом смысле. Но мы-то... мы-то её обожаем, не обижаем, наоборот, делаем всё, чтобы ей у нас было хорошо и удобно. И туалет её я чищу регулярно. Так почему?

И я начала находить её кучки и лужицы то в одном углу, то в другом. Застигнутая на месте преступления Маруська смотрела на меня испуганно-виновато, но продолжала делать своё.

Мириться с этим не хотелось, но как же быть и что же делать? Не хотелось верить, что она это делает от невежества – на Марусю это было совершенно не похоже. Наказать? А смысл? Не будет ли только хуже? Убедить словами, объяснить, что надо делать так, а не иначе – слушает, но не внемлет. Пристыдить, мол, большая уже девочка, некрасиво – не действует. Уразуметь и согласиться, что прожив четыре месяца на улице, она обрела и уличные привычки, свободу во всех своих проявлениях и менять их на домашние чопорные ограничения, увы, не желает? Смириться с ними, принять их и унести её, как ни жалко, снова в огород? День на улице, ночь в бане? На дворе уже октябрь, дождь холодный, ветер. Предать её, получается? Как прежние хозяева: поиграли, надоело – привет! Может, мы чего-то не понимаем? Может, она хочет что-то этим нам сказать? Что?

Воскресенье двенадцатого октября по садовому лунному календарю значилось крайним осенним днём для пересадки ягод. Уйдя с утра в огород, мы взяли с собой и Марусю, чему она чрезвычайно обрадовалась. Полдня я возилась с клубникой, муж выкапывал старые кусты смородины, мы спешили, потому что пошел дождь, сначала мелкий, потом всё гуще, спина уже промокла насквозь, хотелось поскорее домой, в тепло, к горячему чаю.

Кошка наша всё это время где-то лазила, по только ей известным местам – деревьям, крышам сараев, в высокой

и сухой, по-осеннему жухлой уже траве. Я заметила, как лёжа высоко на балке под крышей соседской беседки, где достать её было невозможно, опустив вниз переднюю лапу, она дразнила большую, угловатую на вид немолодую кошку, обычную серо-полосатую, каких много. Летом я думала, что именно она была Маруськиной мамой, как и всех остальных котят, приходящих к нам из-под забора в гости. Но все они смотрели дерзкими глазами уличных забияк, совершенно не похожими на доверчивый и доброжелательный взгляд Маруси. А к концу лета я уже видела, что когда моя немного подросшая воспитанница пыталась поиграть с этой взрослой серьёзной хищницей, та шипела на неё и рычала, выгнув спину. И сейчас, вот этак бесхитростно-вероломно, Маруська отводила, видимо, душу. Отыгрывалась, так сказать.

Весь день я думала только о ней. Уходя утром из дома, мы прихватили и её лоток, и баночку с обедом-ужином, намереваясь всё-таки оставить на ночь в бане, чтобы утром окончательно понять, как быть дальше.

Наконец, после нескольких часов своих кошачьих развлечений, Маруся пришла ко мне, присела рядышком и уже не отходила ни на шаг. Я понимала, что она промокла, озябла, проголодалась, её было жалко невыносимо. Закончив, наконец, все дела, мы устроились с нею, как прежде, в предбаннике, она поела и привычно прыгнула ко мне. Муж ушёл в магазин, а я гладила безмятежно спящую на коленях Маруську и понимала, что не могу, ну никак я не могу тут её

одну оставить.

– Жалко? – вернувшись из магазина и застав обычную идиллию, то ли спросил, то ли констатировал муж. – Что решила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.